

шекспировских трагедий». Мы можем предположить, что стихотворение из цикла стихов Юрия Живаго подтолкнуло Чуковского вспомнить этот поэтический эпизод, тем более что, судя по дневниковым записям 25 и 26 декабря 1956 года, сам мемуарист характеризует их отношения с Блоком в 1908–1910 годах как максимально далекие и даже враждебные.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-134-141

© Е. А. ЗАКРЫЖЕВСКАЯ

ПАМЯТЬ И ТЕКСТ: Н. Н. БЕРБЕРОВА ОБ А. А. БЛОКЕ

Книга воспоминаний Н. Н. Берберовой (1901–1993) «Курсив мой» с момента первой публикации и до настоящего времени остается одним из самых популярных среди русских и зарубежных читателей свидетельств жизни русской эмиграции первой волны. К этому нужно прибавить — одним из самых спорных. Достоверность многих упомянутых в ней фактов стала предметом обсуждения критиков почти сразу после появления мемуаров в печати.¹ Современные исследователи полагают, что многие лица и события, описанные в книге, освещены слишком пристрастно, а иногда и со значительной долей вымысла.² Это касается и воспоминаний об А. А. Блоке.

Прежде всего надо отметить, что фигура поэта занимает совершенно особое место в мемуарах Берберовой. Несмотря на то, что в литературные круги Петрограда Берберова вошла фактически после смерти Блока, имя поэта упоминается в книге едва ли не чаще имен М. Горького, И. Бунина и В. Набокова, с которыми она была хорошо знакома. Большинство из этих упоминаний отражают читательский опыт Берберовой, как детский и юношеский — стихи Блока,³ так и более поздний — его дневники и письма, воспоминания о нем. Другая сторона блоковского присутствия в тексте — в некотором смысле «институционализирующая»: говоря о Блоке, Берберова довольно часто подразумевает целый ряд явлений русского искусства, освободивших ее жизнь и жизнь ее современников от «либестраумов» (выражение Берберовой) — суррогата искусства, который был, по ее мнению, повсеместно распространен в конце XIX столетия.

Описание панихиды и похорон Блока — один из двух эпизодов «Курсива», в котором с фигурой поэта соединены личные воспоминания Берберовой. Несомненно, по замыслу автора, события 7 августа 1921 года должны были обратить на себя особое внимание читателей мемуаров. Сама Берберова при-

¹ См. рецензии Г. Струве (Russian Review. 1970. Vol. 29. № 1. P. 92–93), М. Слонима (Slavic Review. 1970. Vol. 29. № 2. P. 352–353), Р. Гуля (Новый журнал (Нью-Йорк). 1970. Кн. 99. С. 283–292) и Т. Пахмусс (Slavic and East European Journal. 1971. Vol. 15. № 1. P. 80).

² См., например: *Винокурова И.* «Курсив мой» в англоязычном мире, или Приключения «Италиков» // Звезда. 2016. № 4. С. 195–229.

³ Блок был любимым поэтом Берберовой, сама же поэзия в пору молодости казалась ей делом жизни: «Это суровое чувство профессии всю жизнь уже не оставляло меня, но в те годы оно, мне кажется, было не совсем обычным: ведь в десять лет я играла в игры, норовила увильнуть от приготовления уроков, стояла в углу, колупая шгукатурку, — словом, была такой же, как и все дети, но рядом с этим жила постоянная мысль: я — поэт, я буду поэтом, я хочу водить дружбу с такими же, как я сама; я хочу читать поэтов; я хочу говорить о стихах. И теперь, смотря назад, я вижу, что мои две сильные и долгие дружбы были с такими же, как я, пишущими стихи, выбравшими для себя в жизни призвание, прежде чем войти в жизнь» (*Берберова Н. Н.* Курсив мой: Автобиография / Предисловие А. Кузнецовой. М., 2015. С. 38; далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием номера страницы).

давала этим воспоминаниям большое значение — к примеру, то, что именно она положила первые цветы в гроб Блока, по-видимому, неоднократно повторялось также и устно.⁴

Намеченная таким образом связь ее имени с именем Блока сначала была довольно слабой, однако со временем укрепилась, и сегодня представляется известным фактом биографии Берберовой.

В нашем распоряжении, помимо ее воспоминаний о дне похорон Блока, содержащихся в «Курсиве», имеется также две статьи.⁵ Одна из них напечатана в 1931 году в газете «Последние новости»,⁶ другая — в литературном альманахе «Орион», изданном в Париже в 1947 году.

Сравнивая эти тексты между собой, а также с мемуарами, мы можем сделать некоторые выводы относительно того, как Берберова оценивала описываемые события на протяжении сорока с лишним лет и как менялся ее взгляд на саму себя внутри этих событий.

Особо отметим, что указанные статьи рассматриваются нами не только как своего рода «черновики» мемуаров, но как самостоятельные тексты, которые можно объединить термином «life writing».⁷

Статья 1931 года, как и статья 1947 года, приурочена к памятной дате. Первая написана через 10 лет после смерти Блока, вторая — через 25. Кроме того, публикация 1947 года была наверняка связана в восприятии современников с выпущенной в том же году на французском языке книгой Берберовой «Alexandre Blok et son temps».⁸

Строки, взятые Берберовой эпиграфом к публикации 1931 года, написаны ею, по-видимому, в пятую годовщину смерти Блока. В сборнике, вышедшем в Нью-Йорке полвека спустя,⁹ они помечены 1926 годом. Они же были частично приведены Ю. П. Анненковым¹⁰ в его очерке о Блоке рядом со строками из стихотворения Ахматовой («А Смоленская нынче именинница...»). Уже в этом, вероятно, наиболее раннем из текстов Берберовой, посвященных дню похорон Блока, появляются «на одеяле первые цветы».¹¹ Характерно, что

⁴ «Ирена (И. Вайскопф. — Е. З.) страшно понравилась ей, она была неравнодушна к женской красоте и уму, а Ирена еще и выговаривала букву Л несколько по-польски, и Н<ина> Н<и-колаевна> сразу стала ее поддразнивать: „Как вы говорите: Буок? Да? Буок?“ И опять рассказывала, как первая положила к ногам мертвого Блока белые цветы...» (*Ронен О. Берберова (1901–2001) // Звезда. 2001. № 7. С. 218.*)

⁵ В «Курсиве» содержится указание на еще одно сочинение Берберовой о Блоке: «Этот год, 1940-й, начался для меня мыслью о Блоке. Потом я перечитала его стихи, потом написала о нем («60 лет»). Потом читала три тома воспоминаний Белого, дневник Блока, переписку его и записные книжки. Без конца перебирала в памяти все, с ним связанное» (с. 448). К сожалению, установить, о чем именно идет речь в этом отрывке, не удалось.

⁶ Статья вышла в подвале третьей полосы, который был поделен таким образом, чтобы в нем поместились два материала: один за подписью А. М. Ремизова, другой — Н. Н. Берберовой. Напечатанные под общим заголовком «Памяти А. А. Блока», они имели каждый свой подзаголовок: «Десять лет» — у Ремизова, «7 августа 1921 г.» — у Берберовой.

⁷ Первоначально термин был введен, чтобы объединить широкий круг текстов, которые не подходили под определение собственно автобиографических. См.: *Kadar M. Coming to Terms: Life Writing — From Genre to Critical Practice // Essays on Life Writing: From Genre to Critical Practice. Toronto: University of Toronto Press, 1992; Smith S., Watson J. Reading Autobiography: A Guide for Interpreting Life Narratives. 2nd ed. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010.*

⁸ До этого Берберова уже зарекомендовала себя как писатель-биограф. В берлинском издательстве «Петрополис» вышли книги «Чайковский. История одинокой жизни» (1936) и «Борodin» (1938), отрывки из которых также публиковались в эмигрантской прессе.

⁹ *Берберова Н. Стихи: 1921–1983 / Послесловие А. Сумеркина. New York, 1984.*

¹⁰ Стихотворение «7 августа 1921». У Анненкова ошибочно названо «8 августа 1921» (*Анненков Ю. П. Дневник моих встреч. Цикл трагедий: В 2 т. Л., 1991. Т. 1. С. 95.*)

¹¹ *Берберова Н. Немного не в фокусе: стихи, 1921–1983 / Предисловие Д. Быкова. М., 2015. С. 48.*

в «Курсив» из всего стихотворения, состоящего из пяти четверостиший, попали только указание на время его написания («Пять лет тому!»; с. 150) и упоминание о цветах.

В статье 1931 года воспроизведено то же место (о цветах), однако, в отличие от мемуаров, приводится все четверостишие целиком:¹²

На одеяле первые цветы,
Покой и хлад в полузакрытом взоре,
И женщины увядшие черты,
Робеющей от бедности и горя.

Статья начинается со слов о «незабвенном» Петербурге–Петрограде той поры, когда город был «мертвым и прекрасным», а все живущие в этом городе были связаны между собой «разной глубины и значимости воспоминаниями, но непременно такими, от которых до сих пор, спустя десять лет, сжимается сердце».¹³ Это достаточно общее место для всех воспоминаний о времени, когда, по словам В. Ф. Ходасевича, сочетание внутренней (литературной) свободы «с высоким трагизмом окружающей жизни давало творчеству острый, даже мучительный, но и мощный импульс».¹⁴

Далее Берберова переходит к рассказу о событиях того дня, который позже «вырастет в памяти людей в *дату*, и будет эта дата жить, пока живет русская поэзия» (с. 149–150) — 7 августа 1921 года.

В статье 1947 года воспоминание о похоронах является лишь эпизодом текста, выстроенного весьма замысловато. Часть его отведена размышлениям и фантазиям Берберовой о том, каким бы стал Блок, если бы 25 лет назад не умер, а смог выехать за границу и со временем осесть, как и большинство русских писателей-эмигрантов, в Париже. Затем Берберова вспоминает случай из своего детства (который также описан в «Курсиве»): благотворительный вечер «Поэты — воинам», состоявшийся в Зале армии и флота весной 1915 года (в статье Берберовой ошибочно назван 1916 год), где читали свои стихи А. Блок, А. Ахматова, М. Кузмин, С. Городецкий.¹⁵ В этот вечер учительница Нины Берберовой, Т. В. Адамович (сестра Г. В. Адамовича), представила ее Ахматовой и Блоку. Все описано в «Курсиве» почти так же, как и в статье 1947 года, с незначительными изменениями и несколько более подробно. Наконец, Берберова переходит ко дню смерти Блока.

Настроение Берберовой в тот день передано одинаково во всех трех текстах. Это «ужасная тоска»,¹⁶ которой в статье 1931 года сопутствует ощущение неприкаянности: «Я вышла из дому без цели <...> на душе было тяжело и трудно, с утра тянуло на люди».¹⁷ В мемуарах Берберова упоминает о том, что не знала «куда себя девать», а также пишет о собственном одиночестве, о том, что тогда никого почти не знала в литературном мире, частью которого лишь недавно стала. Кроме того, только в автобиографии Берберова считает необходимым объяснить, зачем она в дождливое воскресенье 7 августа отправилась с Кировской улицы, где тогда жила, в одну из главных писательских организаций Петрограда. «Может быть, — пишет она не вполне уверенно, —

¹² С разночтением в четвертой строке: «робеющей» вместо «растерянной». У Аннекова встречаем третий вариант: «немеющей», который, вероятно, принадлежит самому Анненкову, так как, по его словам, он воспроизводит строфу по памяти.

¹³ Берберова Н. Памяти А. А. Блока // Последние новости. 1931. 6 авг. № 3788. С. 3.

¹⁴ Ходасевич В. Книги и люди. «Слава» // Возрождение. 1935. 15 авг. № 3725. С. 3.

¹⁵ В тот же вечер на сцену выходили И. Северянин и С. Есенин. Ни в статье 1947 года, ни позднее в воспоминаниях Берберова о них не упоминает.

¹⁶ Берберова Н. 25 лет смерти А. А. Блока // Орион (Париж). 1947. С. 110.

¹⁷ Берберова Н. Памяти А. А. Блока. С. 3.

у меня была надежда встретить там кого-нибудь и узнать что-нибудь новое об арестованных — в ту ночь были взяты среди прочих дядя Сережа Ухтомский, бывший издатель „Речи“ Бак, проф. Лазаревский, которых я знала лично» (с. 148). Сведения о них Берберова надеялась получить в Доме литераторов. Действительно, столовая Дома литераторов, по словам Ходасевича, была местом, где собирались не только за пайком, но и назначали свидания, обменивались новостями.¹⁸ Однако в статье, опубликованной в 1931 году, сообщается, что Берберова идет вовсе не туда, а в Дом искусств, причем подчеркивается: «...путь из-за Таврического сада на угол Невского и Мойки каждый раз казался мне слишком длинен, и я ежедневно меняла его».¹⁹ В статье 1947 года Берберова так же, как и в мемуарах, пишет о том, что отправляется в Дом литераторов, однако, как уже сказано выше, она идет туда будто бы без определенной цели. Тут же упомянут арест Н. С. Гумилева. Несмотря на то, что Берберова дважды называет именно Дом литераторов (в статье 1947 года и в «Курсиве»), Дом искусств, судя по ее мемуарам, был ей тогда больше знаком.²⁰ Упомянутый скульптор С. А. Ухтомский жил как раз в общежитии этого дома. От его жены Берберова получила приглашение на проходивший там 10 июля 1921 года вечер с танцами. Обитатели Дома искусств, с которыми она познакомилась в тот день, отнеслись к ней благожелательно, просили бывать у них.²¹ Посещение Дома литераторов, напротив, сперва не увенчалось успехом — собираясь вступить в Союз поэтов, но не зная, где проходят заседания Союза, Берберова сначала обратилась в Дом литераторов, «но никаких поэтов там не нашла» (с. 137). «Смущаясь, я навела справки, — пишет Берберова, — Союз поэтов помещался в доме Мурузи, на Литейном» (с. 137).

Становится вполне очевидно, что процесс конструирования эпизода «Курсива» был многоступенчатым и сложным, а его варианты отличаются друг от друга не только названиями улиц и организаций, меняется также образ автора воспоминаний. Придя в Дом искусств, который изображен в статье 1931 года довольно подробно: обшитая деревом внутренняя лестница, толстые, безвкусные витражи, — Берберова встречает на кухне слуг Ефима и Варю, А. Л. Волынского («темный, сквозной, в шапке, с рублевыми мешками под глазами»), М. С. Шагинян и Н. А. Павлович: «По круглому лицу Павлович безостановочно текли слезы, Шагинян пыталась что-то рассказать, но рассказывать было нечего, — был факт, который умещался в два слова, и подробностей пока никому не было нужно. — Блок умер. В тихих коридорах не было ни души, в больших, богато и грузно обставленных гостиных был полумрак от тяжелых занавесей и туманного, предосеннего дня. С четверть часа я блуждала из одной широкой двери в другую, смотрела в окна на темную Мойку, на мокрые деревья, подходила к лестнице, слушала, как потрескивает паркет внизу, в пустынном, глухом вестибюле».²²

¹⁸ «Кто не готовил сам, предпочитал ходить в столовую Дома литераторов. Однако и здесь часов с двух до пяти было оживленно: сходились сюда со всего Петербурга ради свиданий — деловых, дружеских и любовных» (*Ходасевич В.* Дом искусств. М., 2015. С. 99–100).

¹⁹ *Берберова Н.* Памяти А. А. Блока. С. 3. Курсив мой. — *Е. 3.*

²⁰ Дом литераторов (ул. Некрасова, в 1921 году — Бассейная, 11) находился недалеко от Кировной улицы, на которой жила Берберова. Дом искусств, как известно, располагался на пересечении Невского проспекта и набережной Мойки.

²¹ «Приходи еще, — говорила Евгения Павловна (жена С. А. Ухтомского. — *Е. 3.*), — и непременно походи в дом Мурузи. Там Гумилев и весь Цех и бывают вечера. Стихи читают. / И Анна Александровна Врубель (тоже жившая в Доме), и <Э. К.> Липгардт из Эрмитажа, и В. А. Чудовский с перевязанной рукой (брезговал подавать знакомым) — все сочувственно мне улыбались, а Леткова-Султанова (хорошо знавшая Тургенева) позвала меня в гости, и Аким Волынский, худенький, в пиджаке с чужого плеча (или он так похудел?), тоже кивал и поцеловал мне на прощанье руку» (с. 138).

²² *Берберова Н.* Памяти А. А. Блока. С. 3.

Иначе это рассказано в статье 1947 года. Прежде всего, в тексте отсутствуют пространные описания обстановки дома, зато появляется действие: «Придя в Дом литераторов я увидела в сенях наклеенное траурное объявление „скончался... Блок...“. Я заплакала в дверях: вышел Б. О. Харитон, который тогда меня не знал, и стал спрашивать, что со мной, называя меня „барышня“. Я не отвечала. Тогда он спросил: „О Блоке?“, и я сказала: „да“».²³

Обращает на себя внимание то, что Берберова из стороннего наблюдателя становится здесь фигурой активной, вступает в разговор с человеком, причастным литературному миру, делит с ним свое переживание. Хотя в первой статье изображены люди более известные: А. Волинский, Н. Павлович, М. Шагинян — они никак на появление Берберовой не реагируют. Вариант 1947 года переводит внимание читателя на саму Берберову. В «Курсиве» сцена представлена схожим образом, дополнена коротким словесным портретом и биографией Харитона.

Вторая статья и «Курсив» сходятся на том, что Берберова узнает о смерти Блока из объявления, причем в мемуарах подчеркнуто, что оно «еще было сырое, его только что наклеили» (с. 148). Так, новость не передают Берберовой Волинский, Павлович и Шагинян — она сама оказывается одной из первых, кто узнает о ней, становясь лицом к лицу с непоправимой, всеобъемлющей катастрофой, о которой еще ничего не подозревают те, кого она неизбежно затронет, — те, кого Берберова объединяет в «Курсиве» местоимением «мы»: «Чувство внезапного и острого сиротства, которое я никогда больше не испытала в жизни, охватило меня. Кончается... Одни... Это идет конец. Мы пропали... Слезы брызнули из глаз» (с. 149).

Таким образом, позднейшая модификация эпизода в полной мере отвечает мемуарной установке Берберовой: «...раскрой себя до конца <...> утай свою жизнь для себя одной».²⁴ Хотя в статье 1931 года писательница гораздо больше останавливается на собственных ощущениях, описании того, что ее окружает (дом Елисеева, погода, люди), — это не помогает читателю увидеть и понять ее, Берберовой, место в череде событий. Она остается незаметной и незамеченной. По пути на Пряжку, к дому Блока, ей, как говорится в статье 1931 года, кажется, что «вовсе не было никаких прохожих в этих любимых улицах Достоевского — такая была тишина в тот день».²⁵ Совершенно противоположное ощущение «тихой толпы» описано в «Курсиве»: «Я купила четыре белые лилии на длинных стеблях. Оберточной бумаги в магазине не было, и я понесла лилии на Пряжку открытыми. Мне чудилось: прохожие догадываются, куда я иду и кому несусь цветы, они читают объявления, расклеенные на углах улиц, все всё уже знают, и сейчас встречные повернут за мной и пойдут, и мы тихой толпой придем всем Петербургом к дому Блока» (с. 149).

Четыре белые лилии были куплены Берберовой с рук на Офицерской (вариант 1931 года) или же в магазине (вариант 1947 года), который получает конкретный адрес — угол Симеоновской ул. (ныне ул. Белинского) и набережной реки Фонтанки — уже в мемуарах Берберовой. Причем в статье для газеты «Последние новости» автор особо упоминает: «Цветочных магазинов не было, но были лотки — город обходился без многого, но начиналась свободная торговля», — и трогательная подробность — «пирожки и цветы мож-

²³ Берберова Н. 25 лет смерти А. А. Блока. С. 110.

²⁴ В контексте эта формулировка звучит так: «Я беру на себя одну всю ответственность за шестьсот написанных страниц и за шестьсот ненаписанных, за все признания, за все умолчания. За речь и за паузы. Все, что здесь пишется, пишется по двум законам, которые я признала и которыми следую: первый: раскрой себя до конца, и второй: утай свою жизнь для себя одной. Автор первого закона — мой современник, автор второго — Эпикур» (с. 428).

²⁵ Берберова Н. Памяти А. А. Блока. С. 3.

но было купить на улицах».²⁶ В 1947 году Берберова ограничивается констатацией: «Я зашла в цветочный магазин и купила белые лилии — были тогда уже и магазины, и деньги».²⁷ В «Курсиве» же покупка цветов особенно акцентируется и становится одним из тех моментов, где соединяются, сшиваются разные пласты воспоминаний — детство, молодость в Петрограде и Париже, жизнь в Нью-Йорке: «Да, как сейчас помню свое удивление, что в Петербурге открыт цветочный магазин. Открывались кухмистерские и комиссионные, было что-то вроде посудной лавки на Владимирском и парикмахерская на втором дворе на Троицкой. Но цветочного магазина, так казалось мне, здесь еще не было во вторник, когда мы проходили с Гумилевым, а теперь он был открыт и в нем стояли цветы. Я вошла. Не помню, входила ли я когда-нибудь до того в цветочный магазин, может быть, это было впервые. Цветочные магазины Петербурга когда-то в детстве были для меня сказочным местом. Цветочные магазины Парижа... Цветочные магазины Нью-Йорка... Все они имеют свой смысл» (с. 149).

В конце концов с цветами Берберова приходит в дом Блока. В 1931 году она пишет: «Вход в квартиру Блока со двора — лестница, в желтую краску крашенная, немного мещанская и очень звонкая; дверь в квартиру приоткрыта — налево кухня, какой-то коридор, направо — люди в молчании и печали».²⁸ В тексте 1947 года отмечено, что Берберова «пришла на панихиду рано. <...> Меня впустили к нему, ничего не спросив, и я положила на простыню, которой он был покрыт, в ноги ему, мои цветы. Они были первыми. Мы были наедине минут пять».²⁹ В мемуарах Берберова также упоминает об этом: «Панихида была назначена в пять часов, я пришла минут на десять раньше. <...> Лестница, дверь в квартиру полуоткрыта. Вхожу в темную переднюю, направо дверь в его кабинет. Вхожу. Кладу цветы на одеяло и отхожу в угол. И там долго стою и смотрю на него» (с. 149). Здесь автор «Курсива» не пишет о том, что в комнате, куда она вошла, никого не было. Однако это может подразумеваться в описании того, как кабинет Блока начинает наполняться людьми: «Входит Н. Павлович, которая неделю тому назад мелькнула мне в Доме искусств, потом Пяст и еще кто-то» (с. 150).

Возвращаясь к тексту 1931 года, отметим, что в нем Берберова, видимо, чтобы избежать ошибки со своей стороны, из всех пришедших на первую панихиду особо отмечает только мать и вдову Блока: «В дверях стояло человек двадцать, не больше — Петербург еще не знал об этой смерти — почти не было сверстников-литераторов, были молчаливые, неизвестные друзья, родственники, какие-то плачущие девушки, слушатели Вольфины».³⁰ В 1947 году Берберова перечисляет гораздо больше присутствующих: «За панихидой помню: мать, жену, тетку М. А. Бекетову, Княжнина, Е. Иванова, Е. Книпович, Н. Павлович (стоявшую пригорюнившись, по-старушечьи). Позже, под конец, пришла М. Шагинян. Был, кажется, Пяст, было еще двое-трое мужчин, но я в то время еще почти никого не знала, только неделю тому назад я была принята в Союз Поэтов. Всего народу было не более 12–15-ти. Цветы принесла еще Шагинян — букет фиалок».³¹ Наконец, в «Курсиве» находим самое обстоятельное описание панихиды: «По-бабьи подперевшись рукой, Павлович, склонив голову, долго смотрит ему в лицо. Опухшая от слез, светловолосая, чернобровая, мелькает Е. Книпович; входят Ю. П. Анненков,

²⁶ Там же.

²⁷ Берберова Н. 25 лет смерти А. А. Блока. С. 110.

²⁸ Берберова Н. Памяти А. А. Блока. С. 3.

²⁹ Берберова Н. 25 лет смерти А. А. Блока. С. 111.

³⁰ Берберова Н. Памяти А. А. Блока. С. 3.

³¹ Берберова Н. 25 лет смерти А. А. Блока. С. 111.

мать Блока и Любовь Дмитриевна вслед за ней. Ал<ександра> Ан<дреевна> крошечная, с красным носиком, никого не видит. Пришел священник, облачается в передней, входит с псаломщиком. Это — первая панихида. Уже во время нее я вижу М. С. Шагинян, потом несколько человек входят сразу (К. Чуковский, Замятин). Всего человек двенадцать–пятнадцать. Мы все стоим по левую сторону и по правую от него одни между шкафом и окном, другие между кроватью и дверью. Мариэтта Шагинян много лет спустя написала где-то об этих минутах: „Какая-то девушка принесла первые цветы“. Замятин тоже упомянул об этом. Других цветов не было, и мои, вероятно, пролежали одни всю первую ночь у него в ногах» (с. 150).

Нетрудно заметить, что в последнем варианте воспоминаний Берберова «удалила» из собрания Е. В. Иванова, В. Н. Княжнина, М. А. Бекетову, зато «добавила» Ю. П. Анненкова (чьи уже упомянутые выше воспоминания появились в нью-йоркском издательстве в 1966 году), Е. И. Замятина и К. И. Чуковского. Впрочем, все имена приведены с оговоркой: «Я вижу входящих, но мало кого знаю — только месяца через два я опознала всех» (с. 150).

Интересно то, как Берберова связывает здесь свои мемуары с воспоминаниями людей, присутствовавших в тот день в квартире Блока. Мариэтта Шагинян, на которую ссылается Берберова, говоря о первых цветах, принесенных ею на Пряжку, по совпадению оставила схожее свидетельство о себе самой: «Умер Блок — не вмещалось в сознание. Пришел Нотграфт и подтвердил. Весь Дом искусств собрался, растерявшись, в столовую.³² Я выбросилась из дому, купила огромный букет роз белых и красных и крупных белых цветов (не знаю названия) и побежала на Офицерскую, 57. Поднялась во второй этаж. На стук тихо открыла прислуга. Любовь Дмитриевна с заплаканным лицом, в спущенной блузе вышла мне навстречу, взяла цветы и принялась ставить их в большую вазу. <...> В 7 ч. вечера была назначена панихида. <...> На панихиде народу немного, наш Дом искусств и кое-кто из Дома литераторов. Никаких цветов, кроме утреннего моего букета».³³ О букете, принесенном Шагинян, вспоминает и тетка Блока: «Первая панихида была в 5 час<ов> вечера. Но еще до панихиды с утра весть о кончине поэта разнеслась по Петербургу, и квартира покойного стала наполняться народом. Приходили не только друзья и знакомые, но совершенно посторонние люди. Между прочим, певец Ершов, живший в одном доме с Блоками, и другие соседи их по квартире. Мариэтта Шагинян одна из первых принесла цветы, которые положила к телу покойного. Пришел Бенуа, Лурье — многие из тех, кто встречался с Ал. Ал. только вне его дома. Многие плакали навзрыд...»³⁴

Мемуары Шагинян впервые были опубликованы в «Новом мире» в 1978 году, почти через десять лет после выхода «Курсива» на английском языке и через шесть — на русском. Оставляя в стороне вопрос о том, на какие воспоминания Шагинян в своей автобиографии ссылается Берберова (ввиду указанных разночтений поиска ответа, вполне вероятно, ни к чему не приведут), обратим внимание на противоречивость некоторых высказываний самой Берберовой в «Курсиве» и в статье 1947 года (в основном тексты схожи, и иногда даже дословно).

Надо полагать, собственные воспоминания были на протяжении подготовки автобиографии переработаны писательницей так, чтобы люди и собы-

³² Совпадение, хотя и относительное, со статьей Берберовой 1931 года, где упомянута кухня.

³³ Шагинян М. С. Человек и время: История человеческого становления. М., 1982. С. 511–512.

³⁴ Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке / [Сост. В. П. Енишерлова, С. С. Лесневского; вступ. статья С. С. Лесневского; послесловие А. В. Лаврова; прим. Н. А. Богомолова]. М., 1990. С. 200.

тия, попавшие на страницы «Курсива», высвечивали образ мыслей, характер, личность самой Берберовой. Вероятно, немало подробностей, упомянутых в мемуарах, удастся проверить и уточнить, однако не всегда обнаружатся настоящие причины тому, что писательница решила изменить те или иные факты.

Что же касается эффекта, произведенного благодаря вышеописанной работе: смещениям и перестановкам — то он вполне удался, доказательством тому могут служить слова известного современного писателя и критика Д. Быкова. В предисловии к книге стихов Берберовой, вышедшей в России в 2015 году, он пишет: «Нину Берберову с легкой руки Вознесенского часто называют „Мисс Серебряный век“: когда она выступала в Москве в 1989 году, держась удивительно бодро и естественно, было почти невозможно поверить, что она была последней, кого любил Гумилев, и первой, кто положил цветы в гроб Блока».³⁵ Думается, автору «Курсива» польстило бы такое «сопряжение».

В заключение приведем самый краткий отчет о дне похорон Блока, сделанный Берберовой в книге «Александр Блок и его время»: «В ту пору газеты не выходили, и только одно объявление в траурной рамке, приклеенное к дверям Дома писателей, возвестило о смерти поэта Александра Блока. В день его смерти в шесть часов вечера отслужили короткую заупокойную службу по православному обряду. Нас было человек десять, собравшихся вокруг его смертного ложа».³⁶ По сравнению со всеми рассмотренными нами текстами, включая «Курсив», о Берберовой здесь мы узнаем меньше всего. И в то же время именно в биографии поэта связь между нею и Блоком — самая тесная. Вышеприведенный эпизод как бы утверждает право Берберовой впервые говорить о жизни Блока с франкоязычным читателем,³⁷ намечая неопределенную, но несомненную связь между автором и его героем. В самой многозначительной немногословности Берберовой уже присутствует некая поза, однако, как писала она сама в «Курсиве», говоря о жизни и творчестве еще одного любимого ею писателя, «не бывает позы случайной, всякая поза, как всякий жест, дает ключ ко всей личности в целом» (с. 581). Думается, образ Блока, созданный в мемуарах Берберовой, является для книги воспоминаний одним из таких «ключей».

³⁵ Берберова Н. Немного не в фокусе. С. 7.

³⁶ Берберова Н. Александр Блок и его время: Биография / Пер. с фр. А. Курт, А. Райской. М., 1999. С. 254.

³⁷ Первыми работами о Блоке на французском языке были монографии S. Vonpeau, изданные в 1946 году, — «L'Univers poétique d'Alexandre Block» и «Le drame lyrique d'Alexandre Block».